

А.М. Пивоваров

ВНУТРИЛИЧНОСТНАЯ КОММУНИКАЦИЯ КАК ПРЕДМЕТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

В статье исследуются место и значение, которое занимает феномен внутриличностной коммуникации в социологической теории. Внутриличностная коммуникация рассматривается как непреходящий компонент любого уровня социальной коммуникации. Анализируются теоретические положения, представленные в работах М. Вебера, Дж. Мида, А. Шюца, Ю. Хабермаса, и показано, что в них сложилось собственное, достаточно ясно выраженное отношение к интраперсональным коммуникативным процессам и воображаемым интеракциям. Обосновывается позиция, в соответствии с которой социологический подход позволяет рассматривать вербальную осознанную внутреннюю коммуникацию личности, организованную по формам, аналогичным формам внешней социальной коммуникации, и обслуживающую рациональные действия индивидов, а также обмен этими действиями в ходе социального взаимодействия. Показано, какую роль играет анализ внутриличностной коммуникации в понимании рациональной мотивации действий социальных субъектов, а также какие особенности внутриличностной коммуникации являются существенными признаками для определения типа действия, совершаемого субъектом. Предложена авторская модель внутриличностной коммуникации.

Проблема внутриличностной коммуникации, на наш взгляд, имеет прямое отношение к главным тенденциям развития общества современной постиндустриальной эпохи. Характеризуя его состояние, известный английский социолог З. Бауман пишет: «Все мы сегодня являемся индивидами; не в силу выбора, но в силу необходимости. Мы являемся личностями *de jure*, независимо от того, являемся ли мы ими *de facto*: решение задач самоопределения, самоуправления и самоутверждения становится нашей обязанностью» (Бауман 2005а: 133). Однако выполнение этой обязанности для многих людей в настоящее время оказалось непосильной задачей — шансы превратиться из «личности по неволе» в «личность по сути», т.е. оказаться в состоянии контролировать свою жизнь и делать свой (а не кажущийся своим) выбор, становятся все более прозрачными.

Глобализация как процесс мировой стандартизации и универсализации социальных, политических, экономических, культурных институтов и процессов породила обратные, противодействующие самой себе процессы, такие как мультикультурализация, локализация и индивидуализация. Дивер-

сификация средств массовой информации, каналов коммуникации, форм проведения досуга, направлений в искусстве, литературе и кинематографе, общедоступность достижений электронной технологии (компьютеров, аудио-, видео- воспроизводящих и записывающих устройств и т.д.) и многое другое вместе предоставляют практически неограниченные возможности для индивидуального выбора. Однако на индивида как на реципиента многочисленных сообщений это оказывает неоднозначный эффект: с одной стороны, это наделяет его возможностью выбирать, с другой – взваливает на него тяготы необходимости постоянно совершать выбор и нести ответственность за его последствия. Свобода в современном обществе, по мнению Баумана, стала для человека необходимостью, судьбой, которой «он не может избежать, кроме как уходом в выдуманный мир или душевную болезнь» (Бауман 2005б: 83). Наличие многочисленных и общедоступных систем экспертного и повседневного знания, часто находящихся в крайне противоречивых отношениях, ставит сегодня индивида перед необходимостью активизировать свои собственные внутренние коммуникативные ресурсы, для того чтобы ответить самому себе на вопросы «кто я такой?», «как я должен жить?», «к чему я хочу стремиться?».

Автор теории радикализованного модерна Э. Гидденс считает, что процесс глобализации трансформирует не только внешнюю по отношению к индивиду реальность, но и его внутренний мир, и его идентичность. По мнению английского социолога, процесс формирования идентичности современного человека может быть описан лишь в терминах конструирования «рефлексивного проекта» (“reflexive project”) (Giddens 1991: 32, 75). Главной жизненной и нравственной задачей человека, живущего в эту эпоху, является разработка и осуществление избранной траектории развития своего Я, достижение состояния аутентичности.

С нашей точки зрения, в этих условиях резко возрастают роль и значение внутриличностных коммуникативных процессов, созидающих индивидуальное Я в качестве рефлексивного проекта. Современный человек для осуществления самоидентификации вынужден более активно включать свои внутренние коммуникативные ресурсы. Ведь в процессы его самоопределения с помощью интенсивно развивающихся информационных технологий вовлекаются самые различные противоречащие друг другу «авторитетные» мнения, касающиеся практически любых вопросов — определения степеней риска использования продуктов питания, приобретения вредных привычек, ведения определённого образа жизни и т.д. и т.п.

Понимание механизмов внутриличностной коммуникации как уникального способа самоконтроля и самоопределения, а также развитие навыков общения «с самим собой», а точнее «внутри самого себя», являются приоритетными проблемами современного человека. Речь идет о том, что в настоящее время личность необходимо должна приобретать новые коммуникативные характеристики.

В этой связи, с нашей точки зрения, существует необходимость детальной теоретической разработки проблемы внутриличностной, или интраперсональной, коммуникации как малоизученной области социальных коммуникаций.

Кроме практической актуальности изучение внутриличностной коммуникации обладает также большой научно-теоретической значимостью,

произрастающей из современных тенденций развития теории коммуникации, социологии коммуникации, а также социологии в целом. В настоящее время в этих науках наблюдается усиление тенденции к междисциплинарности. Исследование внутриличностной коммуникации полностью соответствует этой общей тенденции к междисциплинарному синтезу в социологии, поскольку предполагает активное привлечение данных, полученных в рамках различных академических дисциплин. Кроме этого, сегодня можно говорить о том, что в социологии коммуникации происходит постепенное смещение исследовательского акцента от массовых коммуникаций и средств массовой информации к изучению межличностной, повседневной и внутриличностной коммуникации.

Постепенно становится очевидным то обстоятельство, что личность со своей «самостью», встраиваясь в сложную систему социальных отношений, создает определенные «узлы» коммуникации — пункты, где рождаются и через которые проходят сообщения самого различного характера. Будучи помещенным в эти «узлы» или создавая их, индивид получает власть над потоком сообщений, от него зависит то, как распорядиться поступающей информацией — стоит или не стоит ее принимать, как ее интерпретировать, кому и в каком виде отправить дальше. Внутриличностный аспект коммуникации приобретает особое значение и постепенно привлекает все больший исследовательский интерес.

Понятие внутриличностной коммуникации зародилось в недрах коммуникативной теории в 1960-е гг. прошлого века в США (Vocate 1994). Примерно двадцать лет спустя научное направление, изучающее процессы внутриличностной коммуникации, было признано американским научным сообществом и сложилось организационно. За это время было разработано несколько самостоятельных моделей внутриличностной коммуникации, издано три сборника работ, посвященных непосредственно внутриличностной коммуникации (Пивоваров 2005). Однако и сегодня среди американских специалистов в области социальной коммуникации нет согласия по поводу того, как определять и как исследовать внутриличностную коммуникацию.

В целом можно сказать, что в теории коммуникации наблюдается явное противоречие между пониманием значимости внутриличностного уровня коммуникации и степенью его изученности. В изучении внутриличностной коммуникации существует также своего рода дисциплинарная неравномерность: доминируют психологический и коммуникативный подходы, в то время как социологическому анализу данного явления должного внимания не уделяется. Наше исследование призвано показать возможности и достоинства социологического подхода к исследованию феномена внутриличностной коммуникации и отчасти разрешить те противоречия, которые накопились в науке по поводу данного феномена.

В социологической науке специально феномен внутриличностной коммуникации не изучался. Однако здесь, особенно в русле интерпретативной парадигмы, а также в рамках теории действия, сложилось собственное, достаточно ясно выраженное отношение к интраперсональным коммуникативным процессам и воображаемым интеракциям. Принимая во внимание, что тематика внутриличностной коммуникации является абсолютно новой для социологии, можно предположить, что представители социологичес-

кого сообщества, прочитав последнюю фразу, могут задать нам справедливый вопрос: не будет ли открытием для классиков социологии, что в своих работах они изучали внутриличностную коммуникацию? Не является ли наша работа попыткой домысливания теорий знаменитых социологов, попыткой выдать желаемое за действительное? На этот вопрос мы можем ответить следующее. Дело в том, что любая научная работа, претендующая на определенную новацию, как правило, сталкивается с необходимостью переинтерпретации имеющейся теории в новом ракурсе. Для того чтобы новация могла быть осуществлена, исследователю необходимо произвести своеобразную «инвентаризацию» имеющегося знания и найти в нем «зацепки», т. е. доказательства того, что нововведение может быть осуществлено. В этом плане можно сказать, что мы двигались стандартным путем введения любой новации в науку.

Наша задача состояла в том, чтобы соединить два научных дискурса — социологический и коммуникативный, которые до совсем недавнего времени развивались по связанным, но совершенно независимым направлениям. При этом дополнительная трудность заключалась в том, что тематика внутриличностной коммуникации является новой и наименее разработанной и для самой теории коммуникации. Сравнительно небольшое число зарубежных публикаций по данному вопросу изобилует противоречивыми утверждениями. Существует мнение, с нашей точки зрения — необоснованное, что «внутриличностная коммуникация» не является коммуникацией в строгом смысле этого слова (см. подр.: Пивоваров 2005).

С помощью анализа различных подходов к изучению внутриличностной коммуникации нам удалось показать, что внутренняя вербальная коммуникация личности вполне отвечает критериям классической информационной* модели коммуникации (Пивоваров 2005). Внутриличностная коммуникация основана на возможности человеческого сознания представлять своего собеседника и вести с ним беседу в условиях его реального отсутствия. Внутренняя коммуникация, так же, как и внешняя, может быть односторонней — тогда мы имеем дело с внутренним монологом или внутренним реплицированием (сжатая форма внутреннего монолога), или двусторонней, которую в научной литературе называют внутренним диалогом (Кучинский 1988). Феномен внутренней речи, широко исследованный в трудах знаменитых отечественных психологов Л.С. Выготского, П.П. Блонского, А.Р. Лурии и др., выполняет «техническую» функцию кода внутренней коммуникации, или внутреннего разговора, имеющего три перечисленные выше разновидности.

Коммуникантами во внутреннем диалоге являются, с одной стороны, сам человек, его Я, а с другой — воображаемый собеседник. Каждая из сторон диалога выражает определенную смысловую позицию по поводу предмета воображаемой коммуникации. Противоположные смысловые позиции, принадлежащие одной личности, как правило, персонализируются и становятся принадлежащими воображаемым собеседникам — конкретным или обобщенным другим, обладающим статусом и ролью. Во внутреннем монологе выражается одна смысловая позиция, но, тем не менее, и в этом

* О взаимоотношении информационной и конститутивной моделей коммуникации в контексте изучения внутриличностной коммуникации см. (Пивоваров 2006а).

случае имеется адресат — конкретный или обобщенный другой. Во внутреннем монологе человек также может обращаться к самому себе, принимая роль своего воображаемого собеседника.

Термин «смысловая позиция» принадлежит М.М. Бахтину и использован в психологических исследованиях Г.М. Кучинского, в которых экспериментально доказана реальность и необходимость внутренних диалогов при решении испытуемыми мыслительных задач (Кучинский 1988). Смысловые позиции интернализуются личностью из доступного социокультурного пространства в ходе социализации и представляют собой не сводимые друг к другу схемы понимания предмета, модели его представления и интерпретации.

Внутриличностная коммуникация — достаточно сложный и многогранный феномен, поэтому предлагаемые нами теоретические положения легче излагать, опираясь на наглядную схему, дающую целостное и в то же время детальное представление о самом явлении. Поэтому перед тем как перейти собственно к рассмотрению феномена внутриличностной коммуникации в ракурсе социологической теории, мы приведем краткое описание нашей интегративной модели, чтобы сделать дальнейшее изложение более предметным.

Авторская интегративная модель внутриличностной коммуникации (рис. 1) объединяет содержательные, понятийные и методологические наработки информационно-коммуникативного, семиотико-культурологического, психологического и социологического подходов к изучению данного феномена.

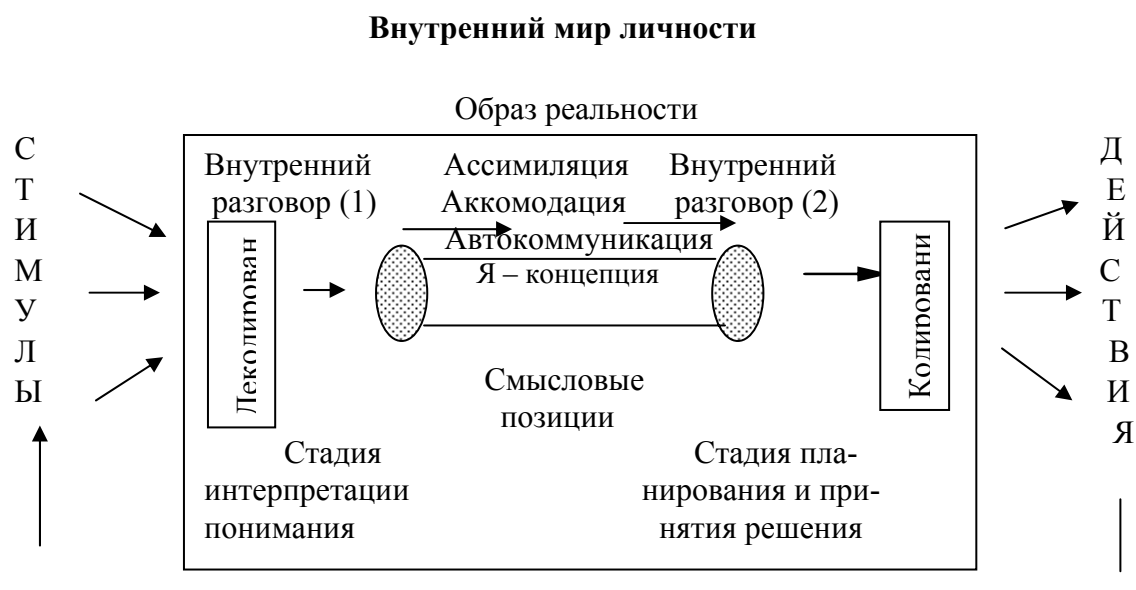

Рис. 1. Интегративная модель вербальной внутренней коммуникации личности.

За основу взята модель Робертса-Эдвардса-Баркера (Roberts, Edwards, Barker 1987), которая была видоизменена главным образом на основании интерпретации феномена внутрличностной коммуникации в контексте основополагающих принципов рассмотренных социологических теорий, что будет ясно из дальнейшего изложения.

Пространством внутрличностной коммуникации является **внутренний мир личности**, при этом мы имеем дело преимущественно с **уровнем сознания этого внутреннего мира**. Образ реальности в нашей модели является частью, или областью внутреннего мира личности, в которой находятся представления человека об окружающем мире и о себе самом. Центральной областью образа реальности является Я-концепция, представляющая собой динамическую совокупность установок личности по отношению к самой себе. Образ реальности обозначает субъективную репликацию жизненного мира.

Стимулами внутрличностной коммуникации могут выступать любые внешние вербальные или невербальные сигналы. Социальными «стимулами» являются нормы, ценности, статусы, роли, социальные институты и т.д. Кодом внутрличностной вербальной коммуникации является внутренняя речь. После декодирования внешних или внутренних стимулов должна произойти интерпретация полученного сообщения. Процесс истолкования подразумевает возникновение внутреннего разговора (1), в котором могут сталкиваться, во-первых, разные смысловые позиции, принадлежащие самой личности, во-вторых, смысловая позиция самой личности и смысловая позиция какого-либо реального или воображаемого собеседника.

Содержание образа реальности может быть закодировано с помощью вербальных и невербальных кодов. Вся информация, прошедшая отсев на стадии декодирования и интерпретации, будет ассимилироваться, или встраиваться, в имеющийся образ реальности. Кроме того, новая информация будет обязательно аккомодировать образ реальности в целом, т. е. так или иначе изменять его. В определенных обстоятельствах значения представлений, содержащихся в образе реальности, могут меняться под действием внедряющихся извне «добавочных» кодов, т. е. может происходить процесс автокоммуникации, рассмотренный Ю.М. Лотманом (см. подр.: Пивоваров 2005).

В имеющемся образе реальности черпается материал для планирования действия, выбора целей, путей и средств их достижения. Планирование, принятие решения — это процессы, очевидно, связанные с рассуждением, мышлением, поэтому присутствие внутреннего разговора (2) и на этой стадии вполне естественно.

Внутренний диалог на стадии понимания и на стадии принятия решения может целиком замещаться использованием готовых схем интерпретации и соответственно схем самовыражения, что, по-видимому, и происходит в большинстве обыденных ситуаций. В этом случае интраперсональная коммуникация не будет выходить за рамки внутреннего монолога, оставаясь в большинстве случаев на уровне простейшего внутреннего реплицирование. Обе формы внутреннего разговора также требуют наличия некоторого конкретного или обобщенного другого в качестве адресата. Коммуникация в этом случае будет односторонней.

Результатом внутреннего диалога может стать либо полное разведение смысловых позиций и как следствие «конфликт» воображаемых собесед-

ников, либо рождение третьей, результирующей смысловой позиции. Таким образом, конструктивным исходом внутреннего разговора является изменение самой личности. В свою очередь определенные изменения в личности порождают процессы ассимиляции, аккомодации и автокоммуникации. Результатом законченного эпизода внутриличностной коммуникации в нашей модели служит действие. Возможность «связать с действием субъективный смысл», с нашей точки зрения, напрямую связана с процессом внутренней вербальной коммуникации субъекта. Более подробное описание авторской модели внутриличностной коммуникации содержится в нашей работе (Пивоваров 2005).

На наш взгляд, — и именно это мы и хотим показать в данной статье — на современном этапе изучения феномена внутриличностной коммуникации социологический подход обладает большой эвристической значимостью. Именно с помощью социологии можно разрешить многие противоречия, накопившиеся в области исследований внутриличностной коммуникации (см. подр.: Пивоваров 2005), а также создать непротиворечивую картину данного феномена, включающую наработки различных наук в этой области — теории коммуникации, психологии, семиотики и др. С другой стороны, исследования внутриличностной коммуникации, на наш взгляд, способны продвинуть социологов в объяснении механизмов социального управления, социального контроля и индивидуального противостояния им, а также детализировать и углубить понимание многих социальных проблем, таких как социализация личности, формирование и развитие идентичности, социальное влияние и т.д.

Специфика социологического подхода к изучению внутриличностной коммуникации по сравнению с другими — психологическим, коммуникативным, семиотико-культурологическим (Пивоваров 2005), с нашей точки зрения, состоит в следующем:

- 1) внутриличностная коммуникация понимается как внутренняя фаза единого процесса социальной коммуникации;
- 2) рассматривается только рациональная внутриличностная коммуникация;
- 3) внутриличностная коммуникация понимается как необходимая составляющая обмена социальными действиями (как формы социального взаимодействия).

Все три положения тесно взаимосвязаны. Первое из них означает, что в ходе внутриличностной коммуникации индивид обрабатывает и трансформирует получаемые сообщения, а также порождает новые. В нашем исследовании мы отталкиваемся от утверждения о том, что внутриличностная коммуникация является непременным компонентом любого уровня социальной коммуникации. О каком бы уровне социальной коммуникации ни шла речь — межкультурной, коммуникации с помощью СМИ, выступлении оратора перед большой аудиторией и др. — все сообщения первоначально возникают в голове отдельных людей. А конечным получателем информации также всегда является отдельный человек. И то, как повлияет на него передаваемая информация, полностью зависит от того, как она будет им обработана и какую внутреннюю реакцию у него вызовет.

Теперь подробнее рассмотрим второе положение. Дело в том, что, с нашей точки зрения, социологический подход позволяет рассматривать и изучать далеко не всю область того, что обозначается в западной литературе термином «внутриличностная коммуникация», а лишь осмысленную и вербальную (т.е. рациональную) внутреннюю коммуникацию личности. Напомним, что социолог, по мнению родоначальника теории действия в социологии М. Вебера, может понять действие человека, понять его рациональные мотивы, лишь соотнеся их с ценностями данного общества. По нашему мнению, социолог способен спуститься на один уровень глубже, сделав объектом исследования не только само социальное действие, но и внутреннюю рациональную коммуникацию, обслуживающую его. Вся остальная внутренняя коммуникация, кроме рациональной — а значит осмысленной и вербализуемой — не может лежать в области компетенции социолога. Там, где в поведении человека рациональность отсутствует, инструменты социологии становятся неадекватными. В этом состоит достоинство социологического подхода при изучении внутриличностной коммуникации. Так, в отличие, например, от психологического подхода, он не дает исследователю заблудиться в «дебрях» огромного числа нерациональных процессов, происходящих как на осознанном, так и на неосознаваемом уровне функционирования психики.

Необходимо отметить, что в исследованиях личности, неважно — психологических, социологических или каких-то других, существует два разных акцента — личностный и внутриличностный (Юревич 2001). Если исследователь делает личностный акцент, то он подходит к личности как к объекту, наблюдаемому извне, и может изучать её различные способности, потребности, статусно-ролевые характеристики, диспозиции, биографию, черты характера и т.д. Напротив, внутриличностный акцент предполагает, что исследователя в большей степени интересует то, что происходит внутри самой личности, т.е. организация её внутренних процессов и их взаимосвязь с внешне наблюдаемыми поступками.

В этой связи можно говорить о том, что понимание личности, сложившееся в объективистской социологии, ярким воплощением которой является, например, структурный функционализм Т. Парсонса, не может представлять для нашего исследования первоочередного интереса. Подход Парсонса к пониманию роли личности в социуме очевидно можно назвать именно «личностным». Активность личности объяснялась им практически полностью с помощью внешних детерминант — разнообразных норм, имеющих место в социальных структурах. В теории Парсонса личность анализируется не с точки зрения её поступков и мыслей, а скорее как набор определённых статусов и ролей. Для нас значительно важнее рассмотреть те социологические теории, которые делают внутриличностный акцент в объяснении поведения личности, обращая серьезное внимание на её внутреннюю активность (линия Вебер–Мид–Шюц), и вместе с тем обозначить попытки интерпретировать внутриличностную коммуникацию в рамках интегративного подхода (Ю. Хабермас), учитывающего как объективные, так и субъективные методологические позиции. На основе анализа этих теорий мы обоснуем третий, выдвинутый нами тезис о том, что внутриличностная коммуникация является необходимым компонентом такой формы социального взаимодействия, как обмен действиями.

Говоря о центральном понятии социологии Вебера, важно отметить, что по существу не только социальное, но любое рациональное действие естественным образом опосредуется внутренней осознанной вербальной коммуникацией деятеля. Это справедливо в силу того, что важнейшей характеристикой социального действия наряду с его ориентированностью на поведение других людей является его осознанность или рациональная осмысленность (Вебер 1990).

И если аффективное и традиционное действия находятся «на самой границе, а часто за пределами того, что может быть названо осмысленно ориентированным действием» (там же: 628), то целерациональное и ценностно-рациональное действия — это действия, по определению опосредованные осмысленным целеполаганием и в этом смысле напрямую связанные с рациональной внутренней коммуникацией личности. При этом между ними мы можем зафиксировать еще одно отличие, кроме общеизвестных, а именно: эти два типа действия, с нашей точки зрения, в разной степени опосредованы внутренней коммуникацией личности. Тип целерационального действия является идеальным типом, эталоном чистой рациональности. Однако при желании каждый из нас может вспомнить ситуации, в которых люди осуществляют действие, сильно приближенное к целерациональному типу, производя «экономический» расчёт ожидаемых затрат и прибыли при планировании какого-либо поступка. Ясно, что различные морально-нравственные ограничения и обязательства играют в целерациональном расчете второстепенную роль. Все субъективные переживания, вся индивидуальная «апперцепция» в целерациональном действии как в идеальном типе действия должны быть отключены. При этом чрезвычайно упрощается внутренняя коммуникация субъекта — она будет сводиться к решению единственной универсальной задачи, а именно: как с наименьшими издержками достичь своей максимальной выгоды. Интраперсональная коммуникация, обслуживающая целерациональное действие, хотя и должна быть сложнее, чем при аффективном или традиционном действиях, однако предстает, на наш взгляд, в значительно более упрощенном виде, чем при ценностно-рациональном действии.

В последнем случае индивид ориентирован на иной тип рациональности — определяемой не экономическим расчетом, а содержанием избранных ценностей. «Чисто ценностно-рационально действует тот, кто, невзирая на возможные последствия, следует своим представлениям о долге, достоинстве, красоте, религиозных предначертаниях, благочестии или важности предмета любого рода» (там же: 629). Мы считаем, что наличие у человека подобных ценностей — часто сформулированных в форме заповедей, требований, ставших в результате интериоризации внутренними императивами, — заставляет человека ориентироваться на них, и, сверяясь с ними, в каждой новой ситуации выстраивать заново иерархию актуальных целей. Этот процесс, с нашей точки зрения, будет усложнять и интенсифицировать интраперсональную коммуникацию субъекта, в особенности ее наиболее сложную форму — внутренний диалог.

На наш взгляд, после Вебера развитие проблемы взаимоотношения внутриличностной коммуникации и социального действия в наиболее интересном виде можно проследить в теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса.

Во-первых, важно отметить, что Хабермас подвергает пересмотру само понятие рациональности, которое в его концепции связано с возможностью логического обоснования действия. Рациональность понимается Хабермасом как средство оправдания действия. «Рациональным будет являться всякое действие, относительно которого его участник может выдвинуть рационально оправданные суждения» (Громов, Мацкевич, Семенов 2003: 482). Речь идет о необходимой степени осознанности и вербализованности целей и средств их достижения как необходимых признаков рационального действия. Таким образом, хабермасовская трактовка рационального действия, по нашему мнению, подчеркивает значение внутренней коммуникации субъекта действия как неперемного компонента рационального действия.

Во-вторых, Хабермас вносит идею эволюционного развития жизненного мира, основной движущей силой которого является все та же веберовская идея рационализации. Эволюция жизненного мира, по мнению Хабермаса, вынуждает произвести изменение самой классификации идеальных типов рационального действия Вебера.

В этом плане нас в первую очередь интересует зависимость особенностей внутриличностной коммуникации от того типа социального действия, которое она обслуживает.

Так, при совершении инструментального действия — возьмем для примера чтение книги с целью разобраться в каком-нибудь вопросе — субъекту необходимо понять прочитанный текст, т.е. проинтерпретировать его для себя и «встроить» его в свой образ реальности. Субъекту нет необходимости переводить свою внутреннюю речь в форму внешних вербальных или невербальных сообщений – блок кодирования оказывается ненужным (рис. 1). Интерпретация субъектом поступающих сообщений осуществляется в принципе только для него самого. Собственно, и блок внутреннего разговора (2) (рис. 1) в данном примере также оказывается ненужным. Однако они понадобятся, если субъект предпримет инструментальное действие другого класса, скажем, решит в одиночку построить дом. В этом инструментальном действии блоки декодирования и внутреннего разговора (1), если рассуждать схематически, будут редуцированы, а участвовать будут блоки внутреннего разговора (2) и кодирования, т.е. перевода внутренней речи в форму внешних действий (рис. 1).

Коренное отличие несоциального (инструментального) действия от социального (стратегического или коммуникативного) состоит, на наш взгляд, в том, что в социальном действии результат кодирования как конечной стадии внутриличностной коммуникации должен быть понятен не только самому субъекту, но и другим участникам действия. В этом состоит та самая ориентация на других людей, заложенная в веберовском определении социального действия.

В чем же применительно к нашей схеме интраперсональной коммуникации состоит отличие стратегического действия от коммуникативного? Определяющим моментом коммуникативного действия является необходимость общего определения ситуации разными индивидами (Habermas 1984). Для стратегического действия существует необходимость учитывать чужие определения ситуации, которые могут совпадать с определением ситуации самого деятеля, а могут и совсем не совпадать. Так, если взять все

тот же пример с постройкой дома, то в рамках стратегического действия человек может нанять бригаду строителей и заказать им постройку дома по своему проекту. Строители могут строить дом, абсолютно ничего не зная о том, для чего этот дом предназначен. Заказчик может строить дом для себя, а строителям сказать, что здание предназначено для благотворительного учреждения для детей, что может послужить поводом к снижению оплаты за проделанную работу. Налицо так называемое скрыто стратегическое действие, в котором деятель даже заинтересован в том, чтобы другие люди определяли ситуацию отличным от его определения способом.

В коммуникативном действии, напротив, деятель заинтересован в том, чтобы все участники ситуации достигли необходимого консенсуса в определении ситуации. Для этого, по нашему мнению, деятелю необходимо вступить в воображаемую интеракцию со своими реальными или потенциальными собеседниками. На основе этих воображаемых интеракций, или внутренних диалогов, субъект вступит во взаимодействие с другими людьми, и если поймет, что их интерпретации ситуации серьезно расходятся, то вновь будет вынужден вступить с ними в воображаемую интеракцию и со сделанными «поправками» вновь вступить во взаимодействие. Стрелка обратной связи в нашей модели внутриличностной коммуникации (рис. 1) отображает этот процесс, а также иллюстрирует важный момент и в теории Дж. Мида, к которой мы обратимся далее, а именно то, что человек способен воспринимать свои «жесты», и в особенности «голосовые жесты», и реагировать на них так же, как это делают окружающие его люди.

Для стратегического действия подобные воображаемые интеракции, или внутренние диалоги, являются необязательными. В нем субъект может ограничиться более простыми формами внутренней коммуникации — внутренним реплицированием и внутренним монологом.

Из всех трёх форм социального взаимодействия, среди которых выделяют поведение, отношение и обмен действиями (Социология. Учебник 2005), именно обмен действиями отличается в наибольшей степени опосредованностью внутренней коммуникацией личности. Поведению свойственна реактивность, а социальные отношения отличает «сценарность», поскольку координация поступков индивидами в них обеспечивается на основе фиксации статусов друг друга.

Мы рассмотрим две, наиболее актуальные для нашей тематики, теории, концептуализирующие социальное взаимодействие в русле модели обмена действиями — символический интеракционизм и феноменологическую социологию.

В соответствии с теорией символического интеракционизма Мида именно совокупность процессов, связанных с интеракциями, конституирует общество и личность. Понятие человеческого взаимодействия обладает, по Миду, двумя основными признаками. Во-первых, оно опосредовано символами и интерпретацией их значений. Человеческое взаимовлияние редко бывает непосредственным, оно почти всегда подразумевает понимание смысла используемых слов (звучащих или написанных) или жестов. Второй особенностью человеческих взаимодействий, непосредственно связанной с первой, является то, что интеракция понимается как «self-process». Последнее означает, что индивид в обществе не только находится в постоянном взаимодействии (коммуникации) с другими, но и постоянно взаи-

модействует с самим собой. Согласно этой точке зрения, мышление есть процесс внутреннего воображаемого взаимодействия — индивид общается сам с собой «из перспективы другого». С помощью использования речи, т.е. в терминах Мида «голосовых значимых жестов», человек приобретает способность принимать позицию или роль другого и таким образом получает возможность продумать и при наличии времени даже проговорить варианты двустороннего взаимодействия. Общение человека с самим собой основано на его способности воспринимать свою собственную речь и реагировать на нее таким же образом, как на речь другого человека.

По Миду, первоначально подлинно человеческое мышление возникло в ходе межличностного вербального взаимодействия, когда человек получил возможность ставить себя на место другого и перебирать с помощью внутреннего разговора различные варианты общения. «Только в терминах значимых символов возможно существование мышления, которое есть просто интернализированный, скрытый от постороннего наблюдателя, разговор индивида с самим собой [курсив наш — А. П.]» (Mead 1934/1962: 47).

С помощью использования одинаковых символов в языке человек получает возможность ставить себя на место другого, а также реагировать на самого себя в ходе речевого общения. Таким образом, человек, во-первых, приобретает способность «принимать роль другого» и вести с этим другим внутренние диалоги. А во-вторых, человек получает возможность посмотреть на самого себя как на объект, отсюда, по Миду, человек приобрел способность к самосознанию и собственное self. Self есть одновременно и субъект и объект самосознания. В принципе self, в понимании Мида, и есть сам процесс самосознания. Е.А. Кравченко справедливо пишет о том, что self, или, как она переводит этот термин, «мое собственное Я — это особая разновидность общения, а стало быть, и человеческого поведения. Оно направлено на самого себя в той же мере, в какой направлено и на других» (Кравченко 2004: 537).

Из текстов Мида мы можем сделать вывод о том, что self как внутренняя фаза единого социального процесса, как интернализированный разговор личности с собой из перспективы других людей представляет собой постоянный процесс внутрличностной коммуникации (Mead 1964: 202–203).

Нельзя сказать, что этот процесс всегда отчетливо осознается или проговаривается. Люди часто неосознанно смотрят на себя глазами других людей, не всегда вербально реагируют на оценку других людей. Однако ясно, что значительную часть self как процесса самосознания составляет осознанная внутренняя беседа, организованная по типу внешней социальной коммуникации. Формы коммуникации человека с другими людьми являются основным фондом форм общения человека с самим собой. Интеракция как основная единица социального процесса осуществляется как self-process — процесс постоянного перетекания межличностной коммуникации во внутрличностную и обратно. Self не существует само по себе, оно возникает только в обществе и «по существу, отображает социальную структуру» (там же: 204). Однажды возникнув в человеке, self будет функционировать, даже если он обречен на пожизненное одиночество, — он будет стремиться воссоздать эту социальную структуру отношений внутри себя.

Из сказанного выше становится ясно, что процессы внутриличностной коммуникации в том виде, в котором мы ее понимаем, занимают центральное положение в концепции родоначальника символического интеракционизма Дж. Мида. В теориях Г. Блумера и И. Гофмана — двух социологов, создавших две самостоятельные ветви символического интеракционизма, внутриличностный коммуникативный аспект интеракций также отчётливо прослеживается, однако в рамках данной статьи мы не имеем возможности описать их видение данной проблемы.

Линия, намеченная в социологии Вебером, была подхвачена не только символическими интеракционистами, но и основателем феноменологической социологии А. Шюцем и его последователями. В своих работах Шюц отмечает, что для понимания смысла действия индивида необходимо учитывать внутренний контекст переживаний субъекта действия. И первое, что нужно разделять — это подразумеваемый смысл действия до его осуществления и после него, отделять смысл как желание, с которым был связан проект действия, и смысл, которым освещается уже свершившееся действие, хотя бы потому, «что Я в ходе выполнения действия становится старше, обогащаясь новыми переживаниями» (Шюц 2004: 759). С точки зрения теории интраперсональной коммуникации, это замечание Шюца иллюстрирует различия между внутренним разговором (1), который может происходить на этапе интерпретации, когда осмысливается уже совершенное действие, и внутренним разговором (2), происходящим на этапе выбора реакции, на котором осуществляется планирование наделяемого определенным смыслом действия (рис. 1).

Как показывает Шюц, повседневный intersубъективный жизненный мир составляет для каждого человека среду удивительной непроблематичности, где в человеческом сознании царствует естественная установка, в основе которой лежит прагматический мотив. Внутренняя осознанная вербальная коммуникация не такой уж частый гость во внутреннем мире обывателя. Однородные категории знания или типизации, образуя запас само собой разумеющегося знания, облегчают сознанию работу по истолкованию поступающей информации. С помощью этого запаса типизированного знания «автоматически», т.е. без активного участия сознания, и происходит большая часть определений ситуаций и действий в них. Развернутая полноценная внутренняя коммуникация может возникнуть во внутреннем мире субъекта только при условии возникновения проблемы, т.е. ситуации несоответствия имеющегося опыта и реальной ситуации. Однако в большей части повседневных ситуаций внутренний разговор по поводу интерпретации заменяется использованием ставших давно привычными схемами интерпретации.

Многokrратно используемые схемы опыта посредством рутинного течения переживаний переходят в естественную установку, которая является самоочевидной. Если же схема интерпретации дает сбой, то прежний опыт должен быть дополнен и пересмотрен, и в результате пересмотрены имеющиеся типизации. Термины ассимиляция и аккомодация были введены знаменитым швейцарским психологом Ж. Пиаже для обозначения двух типов взаимовлияния поступающей информации и имеющихся у индивида представлений. Частным случаем аккомодации можно считать автокоммуникацию (см. подр.: Пивоваров 2005).

Более осознанные изменения в индивидуальном образе реальности могут происходить в ходе внутренних диалогов. Иными словами, в «проблематичных» ситуациях при активизации механизма внутренней коммуникации может произойти не пассивное взаимодействие нового опыта с уже имеющейся системой представлений, а рациональное осмысление нового опыта, активное создание новых типизаций и схем интерпретации.

В соответствии с концепцией Шюца, проекты осуществленных ранее действий, вписанные в определенный культурный образец, составляют схемы самовыражения индивида. Передаваемое родителями, учителями и авторитетами знание содержит готовые рецепты поведения, включающие определенные схемы самовыражения и комплиментарные им схемы интерпретации.

Тема интерпретативных схем, структурирующих восприятие и задающих институализированные рамки для определения ситуаций и поведения в них, была разработана И. Гофманом (Гофман 2003). Фрейм организует все взаимодействие индивидов целиком. Можно сказать, что фрейм связывает схемы определения ситуации со схемами самовыражения, т.е. задает ментальные рамки для внутреннего разговора одновременно и на стадии интерпретации, и на стадии выбора реакции (см. рис. 1).

Рассматриваемые Шюцем внутренние процессы, такие как типизация опыта, образование схем интерпретаций, схем самовыражения, выбор схем, изменение этих схем, формирование проекта действия и т.д., протекают с разной степенью осознанности и внутренней вербализации. Большую часть времени эти операции происходят автоматически, как бы сами собой. Тем не менее, имеет место и осознанная вербализованная внутренняя коммуникация, которая является наиболее развернутой и эксплицитной формой такого рода процессов, наиболее энергоемкой для самого индивида и одновременно единственно доступной для социологического исследования.

Говоря о межличностном взаимодействии, Шюц констатирует наличие в обыденном мышлении тезиса о всеобщей взаимности перспектив. Введение этого понятия объясняет тот факт, что в повседневной действительности, вступая в многочисленные интеракции, человек постоянно не утруждает свое мышление сознательной операцией «принятия роли другого», а просто исходит из того, что другие видят мир примерно таким же образом, что и он сам. Это лишний раз подчеркивает то непроблематичное отношение индивида к окружающему его миру, который он воспринимает в качестве непосредственной данности на основе естественной установки. Неосознанная установка исходить из тезиса о взаимозаменяемости перспектив резко упрощает повседневную внутрличностную коммуникацию индивидов по поводу понимания других людей, с которыми они делят свой жизненный мир и совместно «действуют» в нем.

Тем не менее, представление о том, что мир видится другим людям в принципе таким же, позволяет нам вступать с ними в разнообразные социальные отношения. Однако в эти отношения каждый человек вступает, находясь, по терминологии Шюца, в биографически детерминированной ситуации. Восприятие мира определено индивидуальной биографией в том смысле, что в любой ситуации человек испытывает интерес только к тем объектам и только к тем их сторонам, которые стали релевантными именно

для него вследствие «осаждения всех его прежних субъективных переживаний» (Шюц 2004: 126). Концепция биографически детерминированной ситуации Шюца обращает наше внимание на тот факт, что каждый человек, производя интерпретацию или планирование, пропускает все аспекты наличной ситуации через призму своего уникального опыта. На наш взгляд, биографически детерминированная ситуация является основой для формирования у индивида его смысловых позиций (рис. 1). Уникальность биографии, можно сказать, обрекает человека на функционирование в качестве отдельного смыслопорождающего центра.

Есть основания утверждать, что львиную долю «биографической детерминации» в определении любой ситуации составляют представления человека о самом себе, его самооценка, представления о своем месте в социальном пространстве, о своем потенциальном поведении и др. Все это на психологическом языке называется Я-концепцией, которая играет роль центрального элемента образа мира (рис. 1) каждого человека и является началом отсчета всех его представлений о реальности.

Можно сказать, что образ мира и Я-концепция вместе формируют в терминах Шюца запас наличного знания, а также систему релевантностей. А они в свою очередь образуют биографически детерминированный «фильтр» для всей поступающей информации, которая составляет материал для всей внутренней коммуникации личности.

Итак, нами были кратко проанализированы некоторые теоретические положения, представленные в работах М. Вебера, Дж. Мида, А. Шюца, Ю. Хабермаса, и показано, что в них сформированы представления о воображаемых интеракциях и внутренних коммуникативных процессах, имеющие непосредственное отношение к феномену внутриличностной коммуникации. Из приведённого здесь краткого теоретического обзора ясно, что внутриличностная коммуникация является важным компонентом, как социального действия, так и социального взаимодействия.

Что касается перспективы дальнейших социологических исследований феномена внутриличностной коммуникации, то здесь необходимо сказать следующее. Работы отечественных психологов (напр. Кучинский 1988; Россохин, Измагурова 2004) демонстрируют отчетливую возможность объективации внутриличностной коммуникативной продукции, ее отделения от своего носителя, возможность ее эмпирического исследования, в том числе с помощью качественных и количественных социологических методов. Наиболее эффективным среди них, на наш взгляд, может стать использование методов глубинного интервью, анализа личных документов, контент-анализа и анкетирования.

Литература

- Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Новое издательство, 2005а.
Бауман З. Свобода. М.: Логос, 2005б.
Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта. М.: Институт Фонда Общественное мнение, 2003.
Громов И.А., Мацкевич А.Ю., Семенов В.А. Западная социология. СПб.: Издательство ДНК, 2003.
Социология. Учебник / Под. ред. Д.В. Иванова. М.: Высшее образование, 2005.

Кравченко Е.А. Теория символического интеракционизма Дж. Мида // История социологии (XIX — первая половина XX века) / Под ред. В.И. Добренькова, М.: ИНФРА-М, 2004.

Кучинский Г.М. Психология внутреннего диалога. Мн.: Изд-во Университетское, 1988.

Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический проект, 2002.

Пивоваров А.М. Теоретико-методологические основания изучения внутриличностной коммуникации: перспективы социологического анализа // Интеграция. Коммуникация. Управление. Сборник статей молодых ученых / Под ред. В.В. Васильковой, В.В. Козловского, В.Н. Мининой. СПб.: Интерсоцис, 2005.

Пивоваров А.М. Методологические основания исследования внутриличностной коммуникации // Коммуникация и конструирование социальных реальностей: Сб. науч. статей / Отв. ред. О.Г. Филатова. Ч.1. СПб., 2006а.

Пивоваров А.М. Внутриличностная коммуникация как предмет теоретико-социологического анализа. Автореферат дисс. ... канд. соц. наук. СПб., 2006б.

Полякова Н.Л. XX век в социологических теориях общества. М.: Логос, 2004.

Россохин А.В., Измагурова В.Л. Личность в измененных состояниях сознания в психоанализе и психотерапии. М.: Смысл, 2004.

Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004.

Юревич А.В. Социальная психология науки. СПб.: Издательство Русского Христианского Гуманитарного Университета, 2001.

Habermas J. The Theory of Communication Action. Volume 1. Boston: Beacon Press, 1984.

Giddens A. Modernity and Self -identity. Stanford: Stanford University Press, 1991

Mead G.H. Mind, Self & Society. Chicago: The University of Chicago Press, 1934/1962.

Mead G.H. On social psychology. Chicago: The University of Chicago Press, 1964.

Roberts C., Edwards R., Barker L. Intrapersonal communication processes. Scottsdale: Gorsuch Scarisbrick Publishers, 1987.

Vocate D.R. Preface // Vocate D.R. (Ed.) Intrapersonal communication: different voices, different minds. Hillsdale: Lawrence Erlbaum Associates, 1994.